Целый ряд наблюдаемых сегодня кризисных явлений в экономической, социальной, демографической сферах имеют в своем истоке конфликт человека с окружающей его природной средой, и единственный способ отвести грозящую катастрофу — ослабить запредельный антропогенный пресс, от которого страдает на Земле все живое, освободить «законно» принадлежащее природе место. Именно в постепенном возрождении разрушенных естественных экосистем состоит стратегический нерв того, что принято называть устойчивым развитием. О системе государственного управления природными ресурсами в России, о стратегических социальных инициативах в области экономики природопользования в интервью специальному корреспонденту журнала «ЭС» Ларисе Полковниковой рассказал известный российский ученый директор Института водных проблем РАН, председатель совета директоров фонда «Устойчивое развитие», член-корреспондент РАН Виктор Иванович Данилов-Данильян.

Пресная вода — главный сдерживающий фактор развития мировой экономики

Существует ли стратегия устойчивого развития России?

Конференция ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, 1992 г.) рекомендовала всем странам разработать национальную стратегию устойчивого развития. Президент Б.Н. Ельцин 1 апреля 1996 года издал указ № 440, которым утвердил Концепцию перехода Российской Федерации к устойчивому развитию, и дал поручение правительству разработать Стратегию перехода Российской Федерации к устойчивому развитию. Проект этой Стратегии был подготовлен Минэкономики России совместно с другими министерствами и ведомствами и обсуждался на заседании правительства в декабре 1997 года. Концепция при этом использовалась как теоретическая основа.

Как обычно бывает с подобными документами, представленный проект в основном одобрили,

приняли за основу и решили доработать его в соответствии с результатами обсуждения. Но в наступившем 1998 году обнажились все ошибки финансовой политики предшествующих лет, страна приближалась к дефолту, и руководству страны было не до Стратегии и вообще не до долгосрочных перспектив развития — надо было спасать тонущий корабль финансовой системы. Началась чехарда премьеров и правительств, и, хотя доработка и утверждение Стратегии ни в какой мере не помешали бы реализации спасательных мер, о ней никто не вспоминал, кроме Госкомэкологии России. Однако голос этого ведомства заглушили вопли ужаса, порожденного последствиями дефолта, и грохот развернувшихся политических баталий (напомню, что в Думе тогда не было ничего похожего на однопартийную монополию). А в мае 2000 года Госкомэкологии был ликвидирован и началась последовательная деэкологизация российской внутренней и внешней политики, системы управления и в определенной степени общественного сознания.

К Всемирному саммиту по устойчивому развитию (Йоханнесбург, 2002 год), казалось бы, следовало доработать и принять Стратегию, но глубоко чуждое экологическим представлениям руководство приняло другое решение: премьер М.М. Касьянов поехал на Саммит с подготовленной ради такого случая Экологической доктриной — документом, который выглядел вполне экологично, но никого ни к чему не обязывал, никаких конкретных задач не ставил и, как показали прошедшие девять лет, ничего не изменил в нашей стране (впрочем, трезвые экологи ничего иного от доктрины и не ждали). Так что, увы, на поставленный вопрос можно ответить только отрицательно: нет у нас стратегии устойчивого развития.

Насколько четко сформулированы стратегические социальные инициативы в рамках реализации национальных интересов?

На мой взгляд, никакие стратегические социальные инициативы у нас не сформулированы. Обстановка в стране крайне тревожная, в РФ продолжается разрушение социальных структур, начатое большевиками в 1917 году, тех самых структур, которые обеспечивают устойчивость общества. Этот процесс настолько опасен, что о нем почти не говорят, не хотят думать даже оппозиционные политики. Родившийся человек становится с годами полноправным и сознательным членом общества через процесс социализации.

В РФ продолжается разрушение социальных структур, начатое большевиками в 1917 году, тех самых структур, которые обеспечивают устойчивость общества.

Именно от этого процесса (в его нормальных формах) у нас, похоже, скоро останутся рожки да ножки, о чем свидетельствует буквально все, что делается в сфере образования, а также разрушение семьи, натиск контркультуры (которому можно противопоставить только культуру, а не демонстрацию бескультурья). Но если не признать правду, если ограничиваться лишь наведением тени на плетень, то никакие социальные инициативы не появятся, не проявятся, не возникнут и тем более не овладеют массами. Вместо них будут только жалкие безрезультатные попытки борьбы с последствиями (один из бесчисленных примеров — «борьба» с коррупцией), своей бесплодностью только ускоряющие процесс деградации.

Эффективна ли в России система государственного управления природными ресурсами?

Всеми объективными аналитиками наша современная система управления природными ресурсами признается неэффективной. В принципе управление природными ресурсами можно мыслить только как один из важнейших компонентов долгосрочной стратегии развития страны, но у нас нет такой стратегии.

Развитие РФ идет по инерционному варианту, никаких реальных признаков отклонения от него за последние десять лет обнаружить невозможно (все благие пожелания, пиар, демонстрационные акции и тем более успешное распиливание выделяемых на модернизацию государственных средств только подчеркивают справедливость этой констатации). Дальнейшее движение по инерции приведет к экономической катастрофе. Вот пример только одного из возможных провалов (в какой именно придется падать, если не изменится характер развития, предсказывать не берусь, скорее всего, сразу в несколько): при продолжении нынешних тенденций примерно к 2030 году в европейской части России будет катастрофически не хватать воды.

Если в стране остается не более одной трети средств, вырученных от экспорта природного сырья и продукции самых низких стадий обработки, то о каком управлении природными ресурсами можно говорить? И кому — из тех, кто принимает решения, касающиеся эксплуатации природных ресурсов, — нужно в этих условиях государственное управление этим процессом?

Правомерна ли тревога некоторых отечественных экспертов, считающих, что «в России в результате реформ создан рынок природных ресурсов, покупателями которых являются в первую очередь иностранные и трансна-

циональные корпорации, скупающие в том числе и под видом аренды сроком на 49 лет территории в Сибири и на Дальнем Востоке»?
Тревога вполне обоснованная, но страшен не столько сам процесс такой скупки, сколько условия, созданные для этих покупателей. Условия, при которых без всяких осложнений, без экологического контроля можно реализовывать частные интересы, поскольку о государственных интересах никто всерьез не заботится.

Водный кодекс 2006 года принят с акцентом на приватизацию воды, в том числе иностранцами. Не угрожает ли это суверенным правам государства в реализации национальной водохозяйственной политики?
Национальная водохозяйственная политика (как и долгосрочная политика в любой другой сфере) на самом деле невозможна без долгосрочной стратегии развития страны в целом и ее экономики. Но поставленный вопрос вполне правомерен, истинная цель Водного кодекса, несомненно, состоит в том, чтобы проторить дорогу к частному присвоению водных ресурсов. Почти никаких других вопросов он не решает. Те положения Водного кодекса, которые с позиций охраны водных ресурсов, развития государственного управления ими выглядят позитивно, оказались непродуманными, скороспелыми, не реализуемыми в предусмотренные сроки (например, разработка схем комплексного использования и охраны водных объектов — СКИОВО, мониторинг донных отложений и пр.).

Насколько актуально сегодня проведение (по примеру других стран) национального исследования по всему комплексу вопросов развития российского водного сектора с целью защиты его интересов в глобализирующемся мире? Каковы, на Ваш взгляд, особенности и значение российского водного сектора в мировом водном хозяйстве?
Пресная вода скоро станет главным фактором, сдерживающим развитие мировой экономики. Почти полное вовлечение экономически доступных ресурсов пресной воды в хозяйство (за исключением Бразилии, Канады и России) прогнозируется уже на 2025–2030 годы. Острый недостаток в ней будут испытывать прежде всего сельское хозяйство, энергетика, металлургия, химическая и целлюлозно-бумажная промышленность. Продукцию этих отраслей нельзя заменить ни финансовыми документами (деривативами и пр.), ни отупляющей индустрией развлечений, ни разбухшими до неприличия СМИ, то есть мыльными пузырями, обусловливающими неустойчивость современной мировой экономики. Конечно, будут попытки бороться с дефицитом воды посредством торговли непосредственно водой, но экономические ограничения станут препятствием для расширения этого рынка.

Цены на водоемкую продукцию неизбежно будут расти вместе с усилением вододефицита, обгоняя темпы инфляции.

Гораздо более действенным средством преодоления водного дефицита станет развитие рынка водоэффективных и водоохранных технологий, но особенно водоемкой продукции («виртуальной» воды). Россия располагает огромными и очень мало используемыми запасами пресной воды в азиатской части своей территории, а также всеми иными природными ресурсами, необходимыми для развития перечисленных выше отраслей. Поэтому важнейшим направлением развития структуры реального сектора российской экономики представляется усиление и экспортная ориентация именно этих отраслей, а вовсе не торговля «новым» видом сырья — пресной водой. Их продукция — это отнюдь не сырье, для ее эффективного производства требуются передовые технологии, квалифицированные кадры, умелый менеджмент.

Именно эти отрасли должны стать заказчиками инновационных секторов хозяйства, которым следует прежде всего конкретно ориентироваться на их потребности, а не на абстрактные мечтания о прорыве на мировой рынок товаров хай-тека. Наши национальные интересы применительно к сфере международной торговли состоят в развитии именно этого направления, да и все водонедостаточные страны ждут от обладателей водных ресурсов именно такой экономической политики.

Цены на водоемкую продукцию неизбежно будут расти вместе с усилением вододефицита, обгоняя темпы инфляции. Более того, динамика именно этих цен станет основным инфляционным фактором. Необходим адекватный ответ на потребность мировой экономики в водоемкой продукции. Он обеспечит благосостояние, приток валюты, более надежный, чем дает экспорт нефти, а отсутствие такого ответа может породить угрозу национальной безопасности.

Полноценная разработка этих вопросов невозможна в рамках долгосрочного планирования развития водного хозяйства и даже всего водохозяйственного комплекса (помимо самого водного хозяйства в него включаются и основные отрасли-водопотребители), такая разработка может быть осуществлена только в рамках подготовки долгосрочной стратегии устойчивого развития российской экономики. ЭС

ПЭС 11044/11.04.2011